

15. Kuznecov V. Yu. *Mir edinstva* (The world of unity). Moscow, 2010. 207 p.
16. Brek I. *Svyashchenny dar zhizni* (The sacred gift of life). Moscow, 2004. 398 p.
17. Molchanov V. I. Cogito. Sintez. Subektivizm (Cogito. Synthesis. Subjectivism). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 1996, no.10, pp. 133–143.
18. Podoroga V. A. *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury*: v 2 t. T. I. N. Gogol, F. Dostoevskiy (Mimesis. Materials for the analytical anthropology of literature: in 2 vol. Vol. I. N. Gogol, F. Dostoevskiy). Moscow, 2006. 685 p.
19. Stepanishchev S. A. *Vnutrennost bez vneshnosti: fenomenologiya ne/ochen estestvennogo* (Inside no appearance: Phenomenology is not very natural). Moscow, 2014. 160 p.

УДК 8.11.

О НАЧАЛЕ ЯЗЫКА

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: friauf50@mail.ru

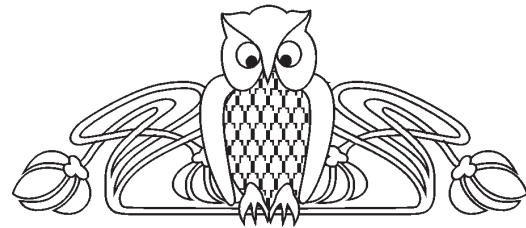
Автор в статье ставит вопросы, которые проблематизируют тему. Например, следующие: язык – что это такое? Имеет ли он возникновение в истории человечества? Или генеалогия языка находится между историей и метафизикой? Иными словами, есть ли у языка как такового начало в истории? Для ответа вводятся неочевидные тезисы и приводятся аргументы для их обоснования. Показано, что традиционное понимание языка через коммуникативную функцию как базовую содержит в себе парадоксы и антиномические противоречия. Напротив, гипотеза о метафизических универсалиях обоснована посредством *сущностной косвенности*. Характерно, что такая аргументация настаивает на сакральном происхождении человеческого языка.

Ключевые слова: язык, генеалогия языка и языков, «адамическая» гипотеза, метафизические трансценденции, знаки и символы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296

Мы говорим, мы пишем, мы ежедневно совершаем множество операций с помощью языка. Из-за очевидной ситуации подобного рода мы, люди, склонны выделять именно *коммуникацию* как основную функцию языка. Современная лингвистика молчаливо или настойчиво исходит из этой предпосылки. Что касается традиционного для научного (или вненаучного) мышления вопроса о *начале* языка, то лингвисты и философы языка либо ссылаются на постепенные шаги эволюции, либо вообще заявляют, что логично говорить о функциях, но нелогично ставить вопросы о сущности и начале языка как такового. Существуют, правда, и нетрадиционные ответы.

Наша целевая установка предполагает постановку и предварительную проработку ряда конкретных исследовательских задач. Выделим наиболее приоритетные и релевантные теме и цели нашего исследования.

Что такое язык? Почему не удаётся научно обосновать естественное происхождение языка/языков на основе законов эволюции и культурного развития человечества? В чём ошибочность стратегии языкознания, согласно которой все языки и наречия мира имеют происхождение из единого начала – «адамического» праязыка? Какова роль в решении вопроса о начале языка принципа Имени и принципа Числа? Для того чтобы наметить основные пути в постановке и решении этих вопросов, начнём с выявления их теоретических предпосылок [1].

Выдвинем для обсуждения два альтернативных тезиса: 1) язык – основной медиатор между людьми. Коммуникация необходима в социальной жизни, и эту функцию наиболее успешно реализует именно язык. Язык возникает в культуре как её средство и как её результат. Ничего сверхъестественного и мистического в языке нет – он вполне рационален и является изобретением самих людей; 2) объяснить происхождение языка из культурного и постепенного развития человеческого общества научными методами ещё никому не удавалось. Следовательно, само существо вопроса заключается даже не в онтологических основаниях – эти основания с необходимостью уводят нас в метафизику как дисциплину, которая проясняет вопрос о трансцендентных истоках как самого языка, так и бытия в целом. По законам жанра выдвинутые тезисы требуют либо обоснования, либо опровержения. Этим мы и займёмся.

Предположим, что истина заключается в первом тезисе: выделим аргументы «за» и «против». Что касается аргументации в пользу данного тезиса, то они самоочевидны и, предположительно,

но, самодостаточны. Самодостаточны? В отличие от аргумента о коммуникативной функции языка, вопрос об антропогенном происхождении языка отнюдь не очевиден. Мне вспоминается популярное в советский период истории мнение, согласно которому «скачок» от стада обезьяноподобных предков к человеческому обществу стал возможным благодаря включенности человека в процесс производства орудий. Мне даже приходит на ум более чем странная ситуация: в главе пятой первого тома «Капитала» марксисты любили ссылаться на знаменитое определение труда, данное Марксом в результате сравнения человеческой деятельности с деятельностью животных и насекомых: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [2, с. 188].

Что здесь странного? Станным является не замеченное ни самим Марксом, ни его последователями логическое противоречие в приведенном определении труда, а именно – согласно считавшемуся аксиомой положению, что именно благодаря труду рождается сознание человека, соотношение труда и сознания в данном определении переворачивается: именно идеальная, сознательная цель определяет цель и специфику трудовой деятельности человека. Это напоминает известный шуточный вопрос: что первично – курица или яйцо? Труд или сознание?

А так как язык полагали при этом функцией сознания, развитие и происхождение языка также увязывалось с трудовой деятельностью человека. Выходит, указанное логическое противоречие, которое в логике получило именование «*circulus viciosus*», или «порочный круг» в определении, то аргумент о постепенном происхождении языка из трудовой деятельности человека оказывается несостоятельным.

В сочинении русского мыслителя о. Сергия Булгакова «Что такое слово?», опубликованном на русском в сборнике «Философия имени», приводится ещё один аргумент против идеи постепенного развития якобы изобретенного самим человеком языка [3, с. 446]. «Для одних он развился из звериных криков, для других – из звукоподражаний, но во всяком случае слово здесь производится из того, что само по себе ещё

не есть слово. При этом главный, центральный и единственный вопрос – как возникает слово из *не-слова* или, что то же – появляется *первое* слово в своеобразии своём – здесь не отвечается, но обходится ссылкой на *постепенность* перехода, как будто можно построить будущий эволюционный мост над пропастью» [4, с. 40]. Сильной стороной данного аргумента С. Н. Булгакова является утверждение, что ни эволюционисты, ни психологи не в состоянии ответить на вопрос – как возможно возникновение слова из неслова? Или, иначе: как возможно появление языка из *неязыка*? Аргументы типа: постепенно, в ходе эволюции общества из стада обезьян – такие аргументы некорректны. Ведь так называемая «первая сигнальная система», наличествующая у животных или птиц, не в состоянии совершить «скачок» ко «второй сигнальной системе» (как именуют человеческую речь эволюционисты) без внешней на то причины. Иными словами, язык как таковой не может возникнуть из того, что языком, в строгом смысле, не является.

Здесь напрашивается в продолжение предшествующего рассуждения ещё и дополнительное размышление. В самом деле, разве очевиден тот факт, что люди сами изобрели язык (или языки мира)? Как отмечает далее тот же Сергей Булгаков, где и когда жил тот гений среди людей, которому вдруг пришло на ум передать кому-то (кому? тому, у кого ещё нет языка?) уже не животный сигнал, а осмысленную речь? Или внезапно у этого гения сложилась вся система языка, а заодно и способность передавать эту систему другим людям? Люди способны предлагать искусственные системы языков, но только потому, что у них **уже** есть в наличии система языка «естественного». Но что же это такое – «естественный» язык? И так ли уж он естественен на самом деле?

Здесь пора переходить к размышлениям по поводу нашего альтернативного второго тезиса. Предположим, мы согласны с тезисом о том, что постепенный эволюционный процесс (который молчаливо предполагается сторонниками антропогенного происхождения языка) ничего не объясняет уже потому, что сам нуждается в объяснении. Так как для большинства людей более убедительными представляются именно факты, а не рассуждения, обратимся к фактам истории.

Сегодня историки располагают если уж не всей полнотой фактов относительно, например, истории Египта, то невозможно отрицать, что историки-египтологи накопили достаточное количество фактов, указывающих на одно странное и трудно объяснимое обстоятельство, а именно – знаменитое «жреческое» письмо в наиболее развитом и совершенном состоянии появляется не в конце, а

в начале исторического пути древнего Египта. Напротив, с движением Египта от Древнего царства через Среднее к Новому царству язык и письмо Египта не развивались, а только деградировали – от иероглифов «жреческого» письма к так называемой иератике и к демотике. Получается парадоксальная вещь: чем более человек пытается «самостоятельно» развивать невесть откуда приобретённые устную и письменную речь, тем меньше ему удаётся именно их развитие. Скорее, усиливается инволюция и деградация – как будто сами люди способны только ухудшать уже имеющийся у них язык (да только ли язык?).

Даже если мы всерьёз не воспринимаем мнение греческого историка Манефона (который полагал, что до истории царей-людей с их царствами и династиями в Египте были куда более древние эпохи правления богов и полубогов), то нам необходимы более солидные и более фактически обоснованные аргументы для объяснения факта падения системы языка в цивилизации древнего Египта. Конечно, это вещь фактически трудно доказуемая для воспитанного в духе современного рационализма современного учёного. Как же лучше всего здесь поступить?

Лингвисты, филологи и философы констатируют интересный факт: наиболее развитая и совершенная система «жреческого» письма появилась на территории Египта очень давно – ещё до появления первых династий фараонов Древнего царства. Все последующие династии не только не усовершенствовали эту систему письма, а наоборот, растеряли это совершенство. Как это понимать? А как понимать тот гораздо более близкий к нам по времени факт, что язык и письмо в России за последний век стремительно деградировали? Имею в виду не специальные филологические исследования, а общее, национальное владение языком? Полагаю, что факт такой деградации настолько очевиден, что его невозможно оспаривать.

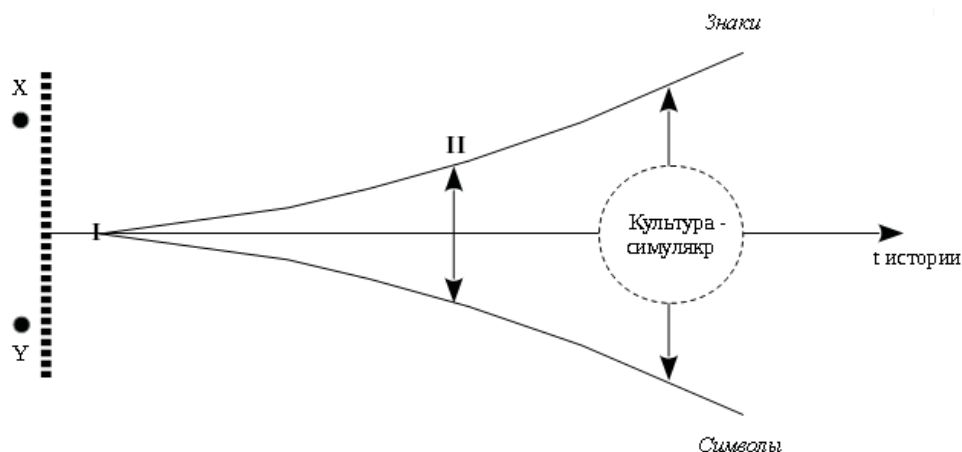
Осмыслим некоторые гипотезы, претендующие на ответы. Например, есть хорошо обоснованная гипотеза, согласно которой язык и культуру древнего Египта инициировала другая, доегипетская цивилизация. Представители этой загадочной цивилизации передали будущим жрецам Египта неалфавитную и нефонетическую «жреческую» письменность. Мифология Египта и Греции даже сохранила имена «богов»-посредников. Древние греки дали ему имя бога Тота Гермеса Триждывеличайшего, а древние египтяне поклонялись ему как богу Джехути. Подобного рода современные гипотезы высококолобые интеллектуалы склонны называть венаучной «романтической» египтологией. Но при этом сами ничего вразумительного и достоверного предложить не в состоянии.

Что касается новейшей истории России, то здесь серьёзных научных исследований ещё не проводилось, зато свежих и «горячих» фактов более чем достаточно. В 2007 г. в Саратов, по моему приглашению от имени философского общества имени С. Л. Франка, приехала пожилая чета из Парижа – потомки русских эмигрантов первого поколения (поколения «философских пароходов» из России) – супруги Залесские. Ныне они возглавляют в Париже русскоязычное общество «Икона». Что меня (и не только меня) поразило уже с первой встречи – так это присущее русским парижанам владение русской речью: это была та самая русская речь, что существовала в России в период до навязанного нам «новояза». Позднее я нашёл в Интернете сообщения современных деятелей культуры аналогичного толка: попадая за рубежом к пожилым русским эмигрантам в гости, они стеснялись говорить на русском из-за чувства стыда за современную русскую речь.

Даже в так называемой «научной» лингвистике устойчиво воспроизводится архетип поиска «адамического» праязыка человечества. Иными словами, отнюдь не склонные к «романтизму» учёные, прежде всего лингвисты, ищут следы того самого первоязыка, на котором, якобы, говорили все люди в седой древности. Ищут, несмотря на множество внешне несовместимых семейств и групп языков. Ищут и в области семантики, и в области синтактики (чего стоят хотя бы поиски «глубинной грамматики» языков), и даже в области прагматики языков. Несмотря на интересные находки вроде ностратической гипотезы единства языков, лингвисты дальше констатации того обстоятельства, что множество языков и наречий мира подразделяется на так называемые «метакусты» (коих насчитывают от четырёх до шести, состоящих, в свою очередь, из групп или языковых семейств), дело объединения не пошло. Следовательно, гипотеза о едином «адамическом» первоязыке оказывается несостоятельной. Языкознание, таким образом, нуждается в иных, более основательных и более достоверных гипотезах и теориях.

На протяжении уже двадцати лет мною предлагается альтернативная гипотеза происхождения языка/языков. Приведу, для большей наглядности и убедительности, графическую схему этой гипотезы (рисунок).

На схеме литерами X и Y обозначены трансцендентные эмпирической истории предпосылки языка/языков мировой истории. Вторгаясь в вертикаль, отделяющую трансцендентную область от эмпирической реальности человеческой истории, на выходе в область истории они превращаются в феномены Имени и Числа. Или, иначе, в язык-знак и в язык-символ. Трансценденталия X становится

Генеалогия языка из метафизических трансценденталий

асимптотой символяриума культуры, трансценденталия Y становится асимптотой семиозиса данной культуры. Знаки и символы языка, взаимодействуя внутри эмпирической истории данной культуры, являются основой языка как такового и появления множества языков и наречий (см. рисунок).

Сразу встаёт вопрос – как проверить данную гипотезу и обосновать её достоверность? Доказательство и опровержения как способы обоснования работают в сфере логико-математических дисциплин, но референтная область нашего исследования к этой области дисциплин явно не относится. Следовательно, необходимо найти иные способы обоснования предложенной нами гипотезы. В нашем случае едва ли не единственным способом обоснования является проверка эмпирических следствий из нашего допущения не одного, но двух начал языка как такового.

Прежде всего, больше нет необходимости в антропогенной и культурогенной гипотезах происхождения языков. Это значимое отсутствие избавляет нас от ненужных и бесполезных поисков того же «адамического» первоязыка. Разумеется, неизбежно возникают другие вопросы. Например, откуда известно и почему необходимо признать наличие метафизических трансценденталий, из которых в реальной истории возникают феномены Имени и Числа, или – знаковости и символизма в языке? Это кажется произвольным допущением, т.е. *ad hoc* гипотезой. У меня пока один ответ – эта гипотеза появляется как следствие исключения всех иных допущений.

Если первый аргумент – это указание на значимое отсутствие (сюда же можно отнести и отсутствие необходимости сочинять небылицы о гениальных изобретателях языка и так называемой эволюции, или постепенного возникновения языка из неязыковых реалий), то следующий аргумент как раз основан на тех элементах, без наличия которых невозможны группы и семейства

таких до удивления разных видов языковой коммуникации. Попробуйте указать на вид земного языка и наречия, в котором начисто отсутствовали бы любые знаки и символы. В любом языке любой языковой группы носителями языковых операций являются знаки и символы. Даже в гипотезе Сепира и Уорфа о языках индейцев северной Америки – хопи и нутка – при всём отличии этих языков от остальных групп носителями языковых сообщений всё равно оказываются своеобразные символы и знаки. Будем ли мы изучать иероглифы Египта или китайские иероглифы либо обратимся к пиктограммам шумеров, при всём их отличии друг от друга все они основаны на различного вида знаках и символах. Более того, именно взаимодействие символов и знаков порождает различного типа языковые семейства и языковые группы.

Конечно, данную гипотезу нельзя понимать как всего лишь замену монизма дуализмом. Мол, автор вместо поиска единого первоязыка предлагает дуальное начало из символов и знаков. Ведь неизбежно возникает вопрос: откуда в трансцендентной для истории области появляются метафизические трансценденталии X и Y ? И почему мы можем быть уверены, что именно они порождают как сам язык, так и его знаковость и символизм? Богословие отвечает простым тезисом: источником указанных метафизических трансценденталий является Бог.

Для философии это не ответ, а лишь источник самого нетривиального вопрошания. И не потому, что философия, якобы, возможна лишь как рациональное познание. Как невозможно свести мышление только к наличию рациональных процессов (ибо рациональность есть не что иное, как мышление в пропорциях, или в количественных закономерностях, вроде «золотого сечения»), так и философия как форма мышления несводима к элементам научной рациональности. Тем не менее можно утверждать, что там, где богосло-

вие предлагает свои ответы, которые требуют от сторонников богословской концепции просто их выучить, там философия, как верно отмечает М. Хайдеггер, ставит предельной значимости вопросы, т.е. вопросы, открывающие новые пути смыслового горизонта для мышления. Ведь есть философские системы, которые возводят своё основание к металоогическим и трансрациональным основаниям, например, русский мыслитель Алексей Лосев утверждает возможность экстаза гиперноэтического, т.е. сверхумного [4, с. 741].

Этим я не хочу сказать, что философия имеет некое преимущество перед богословской мыслью, ибо и философия, и богословие, пока они *мыслят*, различаются как *формы* мышления. Но критерием их истинности и самокритичности является видение возможностей границ самого мышления. В философии ярким примером является знаменитый тезис Сократа о том, что он знает лишь то, что ничего не знает на самом деле, а в христианском богословии не менее знаменитое «Мистическое богословие» Дионисия Ареопагита, в котором Бог постигается не в том, что он есть, а в том, что он не есть. Да и само *откровение*, хотя и выражено как форма знания, отсылает к Тому, Кто, согласно Ареопагиту, пребывает выше и знания, и бытия [5, с. 341–367].

Иными словами, основную мысль этой статьи можно вкратце сформулировать так: язык – величайшая загадка нашего бытия. Несмотря на все видимые достижения лингвистики и других наук о языке, невозможно достичь вполне достоверного и вполне научно построенного знания о начале языка. Этим я не хочу сказать, что возможны более истинные формы знания о языке в какой-то вненаучной форме. Можно быть глубоким или остроумным в своих высказываниях, но необходимо понимать и помнить: в лучшем случае наши гипотезы не более чем метафоры. Ибо перед нами тайна, тайна происхождения языка как языка, выражающего в разных модальностях и с разной степенью выразительности Смыслы, не нами придуманные и не нами созданные. Одно из лучших высказываний о языке, на мой взгляд, принадлежит исследователю, внешне далёкому от религии: французский семиолог и философ Ролан Барт однажды заявил: язык – это знакомый незнакомец.

Таким образом, резюмируя наши рассуждения, мы вновь возвращаемся к выдвинутым в начале статьи двум альтернативным тезисам. Полагаю, читателю понятно, что я склоняюсь к выводу о том, что второй тезис более обоснован и состоятелен. Несмотря на отсутствие строгой доказательности, он лучше обоснован фактологически. В первом тезисе тоже нет логической строгости в обосновании его истинности, а что касается фактов – то с ними и вовсе дела обстоят

против его утверждения. Следовательно, самым ходом исследования мы вынуждены признать приоритет метафизических трансценденталий, которые воздействуют на эмпирические процессы порождения языка и наречий мира.

Список литературы:

1. Фриауф В. А. Генеалогия языка и культа. Между историей и метафизикой. Саратов, 2015. 197 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 39 т. 2-е изд. М., 1969. Т. 23. 907 с.
3. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 1998. 446 с.
4. Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1993. 958 с.
5. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. О мистическом богословии / тексты, пер. с древнегреч. СПб., 1995. 370 с.

To a Question of the Beginning of Language

V. A. Friauf

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: friauf50@mail.ru

The author in article raises questions which problematizirut a subject. For example, following: language – whether it what is it? Has emergence in the history of mankind? Or the genealogy of language is between history and metaphysics? In other words – whether is at language as began that in the history? For the answer the author enters not obvious theses and arguments for their justification are adduced. It is shown that the traditional understanding of language through kommunikavny function as basic, comprises paradoxes and anti-nomic contradictions. On the contrary, the hypothesis of metaphysical universalia is proved by means of *intrinsic indirection*. It is characteristic that such argument insists on a sacral origin of human language.

Key words: language, genealogy of language and languages, adamic language, hypothesis, metaphysical transcendentala, signs and symbols.

References

1. Friauf V. A. *Genealogiya yasyka i kulta. Mezhdru istoriey i metafisikoy* (Genealogy language and worship. Between history and metaphysics). Saratov, 2015. 197 p.
2. Marx K. *Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie*. Hamburg, 1867. 654 p. (Russ. ed.: Marks K. Kapital. Kritika politeskoj ekonomii. Marks K., Engels F. Sobr. soch. : v 39 t. 2-e izd. Moscow, 1969. Vol. 23. 907 p.).
3. Bulgakov C. N. *Filosofiya imeni* (The philosophy of a name). St.-Petersburg, 1998. 446 p.
4. Losev A. F. *Bytie –Imiya – Kosmos* (Genesis – Name – Space). Moscow, 1993. 958 p.
5. *Dionysius the Areopagite: The Divine Names and Mystical Theology*-trans. C. E. Rolt. London, 1920. 123 p. (Russ. ed.: Dionisiy Areopagit. *O bojestvennyh imenah. O mistitheskom bogoslovii*. St.-Peterburg, 1995. 370 p.).